

М.А. Широкова

**Обоснование необходимости государства
как формы организации человеческого общества
в политической философии ранних славянофилов**

Давний спор славянофилов и западников, начавшийся еще во второй четверти XIX в., актуален и поныне. Сегодня в общественном сознании прочно утвердилась мысль, что Россия вновь находится на распутье, что возможен сознательный выбор дальнейшего пути, суть которого, хотя и достаточно грубо и схематично, но все же сводится к следующей дилемме: двигаться ли России к «мировой» (во времена славянофилов говорили «европейской») цивилизации или же идти своим путем, сохраняя самобытные устои. Не обсуждая вопроса о том, насколько данная дилемма соответствует сложным реалиям нашего времени, приходится признать, что она является одним из важнейших факторов, определяющих идейно-политическую жизнь современной России. Понятие «русская идея» прочно вошло в политический лексикон, хотя оно подчас наполняется существенно разным смыслом. Сделалось закономерным и обращение к славянофильству, заслугой которого является выработка классической концепции «русской идеи» в рамках религиозной философии и постановка в связи с этим многих политических проблем, актуальных и поныне: о движущих силах политического процесса, о роли государства в жизни общества, о соотношении церкви и государства, о месте России в мире и, главное, о социально-политическом идеале, соответствующем внутреннему складу русского народа.

Классическое славянофильство – явление конкретно-историческое, прекратившее свое существование около 140 лет тому назад. Но трудно согласиться с утверждением, что «славянофильские сочинения, когда-то злободневные, гонимые цензурой и запрещенные к распространению в России, сейчас интересны немногим специалистам» [1, с. 74]. Славянофильское наследие в современных условиях приобретает особую значимость. В настоящее время российское общество в поисках объединительной идеологии, которая обосновала бы дальнейшие пути социально-политического и духовного развития страны, обращается к неустаревавшим ранее идеям и концепциям прошлого.

Проблема природы и сущности государственной власти – одна из центральных проблем всякой политической философии. Если проанализи-

зировать взгляды славянофилов по данному вопросу, то можно сделать вывод, что властные отношения в целом оценивались ими как безнравственные. Согласно их концепции власть есть антипод любви и свободы. Соответственно и государство как орган властных отношений противоположно «нравственному добру». Государство само по себе не может быть благом, так как идея государства – плод человеческого разума, отделенного от веры. Данное положение способствовало формированию в последующей русской философской и политической мысли довольно устойчивого мнения о том, что классическое славянофильство отрицало необходимость государства как такового и, по убеждению славянофилов, при переходе к справедливому, соборному обществу государство должно исчезнуть. Такой вывод объективно дает основания для сближения политической доктрины славянофильства с социализмом.

Первым на антигосударственные черты в славянофильском учении обратил внимание А.И. Герцен, ратовавший, как известно, за сближение славянофильства и западничества на почве социализма. Впоследствии славянофильство рассматривалось как один из идейных источников русского анархизма. Не случайно М.А. Бакунин, вспоминая эпоху 40-х гг., писал, что К.С. Аксаков был уже тогда «врагом петербургского государства и вообще государственности, и в этом отношении он даже опередил нас» [2, с. 310]. Действительно, в работах К.С. Аксакова можно обнаружить немало оснований для такого вывода. «Государство как принцип – зло», «государство по своей идее – ложь», – писал он. Прямо противопоставляя народ государству как началу западному, а следовательно, безнравственному и враждебному христианской природе русского народа, Аксаков подчеркивал: «Государство не есть проповедник истины... Цель государства – сделать ненужною совесть» [3, с. 620]. В 1910 г. Н.Л. Бродский, ссылаясь на авторитет М.А. Бакунина, писал, что «в основе славянофильских воззрений на власть, несомненно, лежат анархические инстинкты» [4, с. 15].

Несколько иное оформление мысль об анархизме славянофилов получила у авторов сборника «Вехи». Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков,

М.О. Гершензон и другие подчеркивали не сходство между славянофильством и социалистической идеологией революционеров-демократов, а, напротив, различие между ними. Рассматривая славянофилов прежде всего как религиозных мыслителей, они объясняли славянофильский анархизм влиянием идей раннего христианства. «В славянофильской идеологии был сильный анархический элемент, — читаем у Н.А. Бердяева в «Русской идее». — Славянофилы не любили государства и власти, они видели зло во всякой власти». По мнению Бердяева, А.С. Хомяков считал несовместимыми государство и христианство и, «в сущности, не признавал возможности существования христианского государства» [5, с. 171–172]¹.

В сборнике «Интеллигенция в России», вышедшем год спустя после «Вех», либеральный политический деятель, историк и публицист П.Н. Миллюков затронул тему славянофильского анархизма, полемизируя с «веховцами». Прежде всего, он категорически утверждал, что учение славянофилов «безгосударственно и анархично в полной мере». Однако анархизм, по его мнению, — вовсе не достоинство славянофильской доктрины, напротив, он свидетельствует о ее полнейшей оторванности от жизни. Миллюков обвинил классическое славянофильство и классическое западничество (по его терминологии — «национализм» и «фурьеризм») в том, что оба эти течения «одинаково сторонились от текущей практической политики и довольствовались туманными мечтами о будущем величии русского народа». Разница лишь в том, что славянофилы видели свой «безгосударственный» идеал в прошлом, западники-социалисты — в будущем. Но безгосударственность славянофильства и западничества, говорил П.Н. Миллюков, очень быстро изжила себя, что и привело к исчезновению этих течений из русской общественной жизни. «Когда пришлось смотреть не в прошлое и не в будущее, а в настоящее... на сцену опять явилось не славянофильство и не социализм, а либерализм, воскресший в одежде западничества и предложивший власти стройную, хорошо продуманную и блестяще исполненную программу актуальных великих реформ» [7, с. 335–336]. П.Н. Миллюков связывал свои надежды с «государственным либерализмом», «направлением космополитическим и недемократическим» и по этой причине одинаково враждебным и славянофильству, и русскому социализму.

Характеристика славянофильского учения как анархического разделялась далеко не всеми

его исследователями. Некоторые представители либеральной историографии, а также многие советские авторы, считавшие славянофильство реакционно-монархической идеологией, рассматривали все антигосударственные заявления славянофилов как пустые декларации, а нередко даже отождествляли славянофильство и «официальную народность». Вопрос об отношении славянофилов к государственности как таковой этими авторами практически не обсуждался (см., например: [8–12]).

Более традиционна для советской историографии точка зрения о буржуазно-помещичьем либерализме славянофилов. Ее сторонники по существу уподобляют славянофильскую идею о взаимном невмешательстве государства и общества в дела друг друга либеральной концепции «государство — ночной сторож». Таким образом, вопрос о «социалистическом» анархизме или же о «консервативной великодержавности» славянофилов автоматически отпадает, но проблема оценки славянофильскими мыслителями государства и государственности вообще остается неразрешенной (см. [13–16]).

В последние годы вновь возрождается трактовка славянофильства как анархической идеологии, которую определяют либо как «христианский социализм» [17], либо как консервативный «анархический монархизм» [18].

Мы попытаемся реконструировать славянофильскую оценку появления государства в истории человечества, дальнейшего развития государственных форм, а также перспектив существования государства как политического института.

В самом начале «Семирамиды» А.С. Хомяков совершенно определенно выразил свое отношение к государству вообще: «Человек приближается к жизни более истинной и достойной его определения, вступая произвольно в общество других людей. Начинается размен сил и взаимных пособий, поставляются условия, возникают законы, *рождаются государства* (курсив наш — М.Ш.). Этот новый союз людей, подчинивших свой произвол и прихоти понятиям о выгодах и благе, представляет уже определенную *мысль в органическом теле*. Каковы бы ни были первоначальные понятия, какую бы ни представляли они смесь лжи с правдою, *правильные общества облагоулаживают человечество*» [19, с. 22].

Государственность, внутренне присущая кушитскому духу, оказалась жизненно необходимой и для иранских народов после того, как произошел распад некогда единого иранства. Когда

¹ См. по этому поводу противоположную точку зрения А. Валицкого, утверждавшего, что Хомяков «подчеркивал необходимость государства и даже не боялся говорить о государственной силе христианства» [6, с. 23]

оно разделилось, вначале — на языковые семьи, затем — на мелкие племена, то племена эти невероятно одичали по сравнению с тем «возрастом полной умственной возмужалости и полного образования словесного», иными словами — с тем высоким уровнем цивилизации и культуры, который был достигнут к моменту разделения. Даже славянские народы, неизменно других сохранившие полученное в Иране «достояние древнего просвещения», деградировали к «непросвещенной дикости». Хомяков утверждал, что это явилось следствием «разрозненного жителя в бесконечном просторе без связи государственной» (курсив наш. — М.Ш.) [19, с. 353].

Сама по себе «государственная связь» при отсутствии внутреннего единства общества есть, в понимании Хомякова, лишь бездушная форма, грубая механическая сила. Но если в обществе имеются «правильные» духовные начала, то сила и мощь государства просто необходима для их сохранения и развития. В противном случае хранители этих начал — «народы земледельческие» — не только будут с легкостью покорены «народами завоевательными», но и переродятся духовно под их влиянием, утратят свою «самобытную личность», свою культуру и просвещение. «Миллионы могут уступить тысячам свою умственную и нравственную жизнь, так же, как они уступают им свою политическую и гражданскую свободу» [19, с. 103], — писал Хомяков. Народы же, создавшие свое государство, даже в случае покорения его чужеземцами смогут успешно противостоять духовной ассимиляции. Так, «Китай земледельческий, но устроенный государственно и логически на высоких и самобытных началах, пересоздал своих завоевателей, дал дикому монголу дух и направление чисто китайское» [19, с. 108].

«Государственность стройная есть уже просвещение и просвещение высокое (курсив наш. — М.Ш.): оно должно было уничтожить нестройную деятельность всякой воинственной орды, — отмечал Хомяков. — Государственность строгая есть слава, и слава, достойная значения человеческой природы: она должна была

дать побежденному твердость в борьбе духовной и доставить ему окончательное торжество» [19, с. 108–109].

Разумеется, остальные члены славянофильского кружка были не во всем согласны с точкой зрения Хомякова, но тем не менее очевидно, что не приходится говорить об их анархизме или «полуанархизме». Даже приведенные выше полемические высказывания К.С. Аксакова (который был, по выражению Бердяева, «наиболее анархистом» среди славянофилов), находятся в полном несоответствии с его же теорией «земли» (народа, общества) и «государства». Без «государства» как одной из двух диалектических противоположностей теория теряет смысл. Более того, именно наличие государства предопределяет возможность осуществления славянофильского социально-политического идеала. Причем послужить этой цели может только государственность, установленная народом сознательно и добровольно, а не привнесенная насильственно в народную жизнь. По словам Аксакова, «на Западе власть явилась как грубая сила, одолела и утвердилась без воли... покоренного народа. В России же народ осознал и понял необходимость государственной власти» (курсив наш. — М.Ш.) [3, с. 8]. Государство есть нужная для земли внешняя защита. «Государство имеет обязанности, — писал К. Аксаков, — оно должно оберегать и доставлять удобства для внешней и нравственной жизни народа; оно должно заботиться лишь о том, чтобы давать возможность... беспрепятственно высвободиться мысли и духу человеческому, следовательно, земле» [3, с. 251].

Итак, всякое государство сосредоточивает, аккумулирует все силы народа и дает им одно господствующее направление. Это направление может совпадать с «коренными устремлениями народного духа», а может и расходиться с ними. Задача государства, как считали все славянофилы, — способствовать созидательной деятельности общества, не противопоставлять себя ему, вырабатывая какие-либо собственные цели развития. В этом заключается смысл государства и оправдание его существования.

Литература

1. Цимбаев Н.И. «Никто из нас не доживет до жатвы» // Свободная мысль. — 1993. — №16.
2. Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. — СПб., 1906.
3. Аксаков К.С. Сочинения. — М., 1861. — Т. 1.
4. Бродский Н.Л. Ранние славянофилы. — М., 1910.
5. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. — М., 1990.
6. Славянофильство и западничество. Консерва-

тивная и либеральная утопия в работах Андрея Валицкого. — М., 1992. — Вып. 2.

7. Милуков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вехи; Интеллигенция в России: сборники статей. 1909–1910. — М., 1991.
8. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. — СПб., 1906.
9. Скабичевский А. Сорок лет русской критики // А. Скабичевский. Сочинения. — СПб., 1903. — Т. 1.

10. Линицкий И.И. Славянофильство и либерализм. Опыт систематического обозрения того и другого. – Киев, 1882.
11. Плеханов Г.В. И.В. Киреевский // Сочинения. Т. 23. – М.; Л., 1926.
12. Новиков С.А. Проблема общины в философии славянофилов и русских демократов // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. – М., 1972.
13. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. – М., 1983.
14. Цимбаев Н.И. Славянофильство. – М., 1986.
15. Дмитриев С.С. Славянофилы // Советская историческая энциклопедия. – М., 1971. – Т. 13. – Стлб. 33–34.
16. Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России. – Новосибирск, 1991.
17. Сухов А.Д. Хомяков – философ славянофильства. – М., 1993.
18. Попов А.А. Социально-политические воззрения А.С. Хомякова // СПН. – 1992. – №4–5.
19. Исаев И.А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. М., 1995.
20. Хомяков А.С. Сочинения : в 2 т. – М., 1994. – Т. 1.